

Ю. В. СТЕННИК

А. П. СУМАРОКОВ — КРИТИК «НАКАЗА» ЕКАТЕРИНЫ II

Работа законодательной Комиссии по сочинению проекта Нового уложения, созданной Екатериной II в 1767 г., неоднократно привлекала внимание ученых — и историков, и юристов, и филологов.¹ Политический смысл этой акции императрицы, причины конечной ее неудачи, как и значение законодательной инициативы Екатерины II для активизации русского общественного самосознания в XVIII в., в достаточной степени прояснены. Нас будет интересовать эпизод, касающийся событий, предшествовавших созыву Комиссии, когда сама работа Екатерины II над знаменитым «Наказом» не была еще окончательно завершена.

К написанию «Наказа» Екатерина приступила, по всей вероятности, в 1764 г. параллельно с выработкой плана созыва Комиссии и составлением текста положения о выборах депутатов.² Во всяком случае уже к осени 1765 г. императрица, по-видимому, закончила подготовку основной части «Наказа». О том, что работа близка к завершению, она сообщала Д'Аламберу в письме летом 1765 г. При этом она открыто признавалась в том, что при сочинении этого труда ею использовался трактат Ш. Монтескье «О духе законов» (*De l'esprit des loix*), широко известный в Европе. «Давно уже я собиралась писать к вам, — признается императрица, — и хотела присокупить к тому некоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сде-

¹ Из основных работ на эту тему укажем монографию А. В. Флоровского «Состав Законодательной Комиссии 1767—1774 гг.» (Одесса, 1915); статьи В. И. Сергеевича «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?» (*Вестник Европы*. 1878. № 1. С. 188—264); статьи Г. В. Вернадского «Императрица Екатерина II и Законодательная Комиссия 1767—1768 гг.» (*Сборник Общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском университете*. Пермь, 1918. № 1. С. 1—23); также соответствующую главу монографии Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века» (М.; Л., 1951. С. 76—83).

² См. указанную статью Г. Вернадского (С. 2—3, 10—11).

лать ее разумною; притом же она еще не окончена. Если Вы ее одобрите, то я тем останусь довольна. Вы из нея увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающей, то простил бы эту литературную кражу во благо 20 млн. людей, которое из того последует. <...> ...его книга служит для меня молитвенником».³

В процессе подготовки «Наказ» неоднократно редактировался и дополнялся. К работе над отдельными главами Екатерина привлекала своих помощников, в частности Г. В. Козицкого, представившего первоначальный вариант XI главы. И прежде чем опубликовать окончательный текст документа, императрица сочла необходимым апробировать его в глазах общественности, позволив ознакомиться с содержанием «Наказа» узкому кругу лиц, которым она могла доверять и мнением которых она могла в той или иной степени дорожить. В числе тех, кто читал «Наказ» до его публикации, были канцлер граф М. Л. Воронцов, генерал-поручик А. И. Бибиков, один из секретарей канцелярии императрицы Вас. Баскаков, наконец, А. П. Сумароков, известный писатель и драматург. Кроме того, коллективное мнение о «Наказе» представили церковные иерархи — преосвященные епископ Псковский Иннокентий, епископ Тверской Гавриил и иеромонах Платон, бывший в то время законоучителем цесаревича Павла Петровича и позднее ставший митрополитом Московским. Не исключено, что с «Наказом» прежде его завершения были знакомы и другие лица, тот же Г. Г. Орлов, бывший посредником между императрицей и отдельными лицами из читавших документ до его публикации, или князь А. А. Вяземский, участвовавший в разработке планов Комиссии еще в 1764 г., хотя мнения их о «Наказе» остались неизвестны.

Сравнительный обзор сохранившихся отзывов о «Наказе» дает любопытную картину проявления в каждом случае личности корреспондента — степени его духовной независимости, уровня образованности и просто человеческих качеств. Например, отзыв графа М. Л. Воронцова, помеченный 23 сентября 1765 г., сразу обнаруживает в авторе царедворца.

Ни одного критического замечания или какого-либо позитивно-го пожелания по существу в отзыве нет. Зато Воронцов прекрасно улавливает подоплеку решения Екатерины II о созыве Комиссии и, как бы идя навстречу ожиданиям императрицы, сам формулирует в отзыве главную цель «Наказа»: «...установление прочных законов на будущие времена к благополучию общенародному, <...> поста-

³ Сборник русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 31. О восприятии «Наказа» во Франции см.: *Плавинская Н. Ю.* «Наказа» Екатерины II во Франции в конце 60—начале 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 9—36.

новляя человеколюбие главным правилом в сочинении новых прав и законов для гражданских правительств, и утверждение самодержавной Вашей власти в свободе и преимуществе российского дворянства...»⁴ Это было именно то, что хотелось бы слышать императрице от подданных относительно своего труда. Такое определение пафоса «Наказа» ее вполне устраивало, и Воронцов хорошо это понимал: «Мне не остается ничего к сим мнениям моим присокупить, как Всевышнего непрестанно молить о сохранении дражайшего Вашего Величества здравия на неизчетные годы» (76), — заканчивает граф свой отзыв.

Совсем другой характер носило мнение о «Наказе» генерал-поручика А. И. Бибикова, человека решительного, хотя и дипломатичного, хорошо образованного, обладавшего острым пронизательным умом. Известно, что к работе над документами, связанными с подготовкой к созыву Комиссии, Бибиков был привлечен Екатериной II задолго до опубликования «Наказа». К тому же именно он, по настоянию императрицы, был избран маршалом законодательной Комиссии на одном из первых ее заседаний и в дальнейшем руководил ее работой. Естественно поэтому, что к апробации «Наказа» Бибиков был привлечен одним из первых. Его замечания касаются отдельных пунктов семи глав «Наказа», а также Инструкции генерал-прокурору, по поводу которой Бибиков и начинает свой отзыв: «В наказе генерал-прокурору, мнится, надобны объяснения, что́ закон государственный и что́ закон гражданский?» (Там же). По сути дела этой репликой Бибиков сразу указывал на главное слабое место «Наказа». В подготовленном Екатериной II проекте свода законодательных принципов, предназначенного служить обеспечению государственной стабильности империи и благополучию ее граждан, за разговорами (вслед за Монтескье) о равенстве всех перед законами интересы государства нередко противопоставлялись интересам отдельной личности, а иногда последним фактически отдавалось предпочтение. На неясность и вытекавшую отсюда непоследовательность позиции автора «Наказа» и обращает постоянно внимание Бибиков. Так, к главе IV «О хранилище законов», где таковым объявляется сенат и вслед за этим говорится о «государственных членах», учреждаемых для наблюдения за соблюдением законов, Бибиков резонно замечает: «Ежели сенат — хранилище законов, то какие могут быть еще государственные для того члены?» (Там же). Тезис, заявленный в главе VI «О законах вообще» — «...что не все пороки политические суть пороки моральные, и что не все пороки моральные суть пороки политические» — Бибиков сопровождает язвительной репликой:

⁴ Сборник русского исторического общества. Т. 10. С. 76. Далее ссылки на опубликованные в этом издании отзывы и другие материалы даются в тексте.

«Сия неясность или от прописки, или от погрешности в переводе происходит» (Там же).

На этот пункт в «Наказе» обратили внимание, кстати, и церковные иерархи. Они усмотрели в предложенной формулировке попытку императрицы отделить политику от морали и тем самым снять с правителей ответственность за моральную сторону принимаемых ими решений.⁵ Священнослужители так откомментировали заявленный в 1-м варианте VI главы «Наказа» тезис о несомещении политических и моральных пороков: «Но как кажется, что некоторые политические пороки вместе суть и пороки моральные, то, мнится, надобно ограничить всеобщее расширение сего правила и из числа моральных пороков не все политические пороки выключать».⁶

Надо сказать, что в окончательной редакции «Наказа» отмеченный пункт VI главы, вызвавший столько возражений, был откорректирован. Екатерина II вынуждена была разъяснить свою мысль. Рассуждения об отличиях законов у разных народов, не всегда согласующихся с общечеловеческой моралью, она резюмировала: «Предложенное мною здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное расстояние, находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные и что не все пороки моральные суть политические пороки».⁷

Возвращаясь к отзыву А. И. Бибикова, отметим, что почти по каждому пункту замечаний выделяемые им положения «Наказа» сопровождаются требованиями большей ясности в изложении существа дела. Так, замечание по первому пункту главы X «О обряде криминального суда», трактовавшей об ответственности судей и правительства за увеличение строгости наказания, сводилось к короткому пожеланию: «Хотя намерение видно законоположника, но требует объяснено быть» (77). И буквально в следующем же абзаце по поводу новой фразы следует реплика: «Хотя мысль узнать и можно, но, мнится, большего требует изъяснения» (Там же). К главе XII «О размножении народа в государстве», процитировав абзац о притеснениях при заключении браков у крестьян, Бибиков резюмирует: «На сие нужно объяснение» (Там же). Наконец, к главе XVI «О составлении и слоге законов» (в окончательной редакции доку-

⁵ В тексте, с которым познакомились иерархи, данное место «Наказа» звучало так: «Все политические пороки не суть пороки моральные».

⁶ *Снегирев И. М.* Начертание жития Московского митрополита Платона. М., 1831. Ч. I. С. 92.

⁷ Наказ Е. И. В. Екатерины второя <...>, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения. СПб., 1820. С. 122. Подробнее об отношении священнослужителей к «Наказу» см.: *Стенник Ю. В.* Наказ Екатерины II в оценке иерархов русской церкви // Вестник Ульяновского гос. технич. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2002. Т. 2 (18). Апрель—июнь. С. 34—38.

мента глава 19) после приведенной довольно путаной фразы «Наказа» о недостатках законов, заставляющих почитать действия «нужные за ненужные», следовало пожелание: «Сие тоже требует яснейшего истолкования» (Там же).

Как видим, главная претензия Бибикова к «Наказу» — неясность развиваемых в нем положений. Требования его касаются не только содержания отдельных статей «Наказа», но и самого характера выражения мыслей. Так, в замечаниях на ту же главу X, о которых шла речь выше, в конце их Бибиков счел необходимым заметить: «В сей главе находятся некоторые слова и целые речи, не по свойству русского языка положенные...» (Там же). И далее приводились конкретные примеры стиливых несообразностей. Вопросы у Бибикова вызвали и не всегда уместные, по его мнению, заимствованные Екатериной II у Монтеスキе, ссылки на законы и обычаи, принятые у других народов, например у древних греков или римлян, или во Франции.

На фоне рассмотренных мнений выделяются два отзыва, написанные несколько позднее, весной 1766 г., и принадлежавшие одному из секретарей канцелярии императрицы — В. Баскакову и А. П. Сумарокову. Судя по сопроводительному письму первого из корреспондентов, посредником между ними и императрицей был граф Г. Г. Орлов. Сочинение Екатерины II уже, по-видимому, было почти завершенным, но еще не было напечатано, о чем можно судить по замечаниям императрицы, которыми она сопровождала мнения каждого из своих оппонентов. Собственные пометы Екатерина II делала на полях и между строк отзывов, и этот заочный диалог, возникший еще до появления «Наказа» в печати, придает отзывам Баскакова и Сумарокова особый интерес.

Мнение Баскакова о «Наказе» обнаруживает человека, привыкшего к беспрекословному повиновению. Польщенный оказанным ему доверием и желая быть достойным такого доверия, Баскаков сопровождает свои примечания многочисленными оговорками и извинениями, хотя при этом высказывает немало здравых мыслей. В целом его пожелания носят характер уточнений и развития отдельных положений «Наказа», не отменяя и не ставя под сомнение основополагающие принципы его. Замечания Баскакова императрица сопровождала собственноручными пометами и репликами на полях, и по тону их можно судить, что она в целом благосклонно восприняла весьма осторожную критику своего рецензента. Она даже порой словно подбадривает его быть смелее, разъясняет отдельные свои положения, соглашается с ним. «Сии примечания хороши и во многих местах еще поправить надлежит» (79), — замечает она по поводу рекомендаций Баскакова, высказанных им относительно определения в «Наказе» понятия казни. К заключительному абзацу мнения, где Баскаков просит простить ему «неумышленные погрешности и заблуждения слабого разума», если таковые обнару-

жаты, Екатерина на полях делает пометку: «Все его примечания умны» (82). Аналогичным образом предлагаемые Баскаковым в самом конце отзыва стилистические поправки сопровождаются на полях короткой фразой: «Все сие бесспорно принимать» (Там же).

И тем не менее даже Баскаков позволяет себе завуалированно напомнить императрице, что ее безграничное увлечение гуманизмом не всегда может служить на пользу истинному правосудию. Говоря о некоторых положениях «Наказа», содержащихся в главе VIII «О наказаниях», где шла речь об ограничении практики пыток, Баскаков осторожно замечает: «...не благоволено ли будет прибавить, кроме необходимых случаев, которые надобно означить...» (79). И далее Баскаков приводит конкретный случай из судебной практики, когда насилие над преступником-убийцей остается последним средством установления истины: «...такого, кажется, пытать неотменно должно для того, чтоб правительство избавить от нареkania, когда соучастники злодейства избегнуть чрез то могут достойного по закону наказания...» (Там же). Данное место отзыва Екатерина II сопроводила репликой на полях: «О сем слышать не можно, и казус не казус, где человечество страждет» (Там же). Эти постоянные претензии Екатерины II выступать апостолом гуманизма в угоду абстрактным установкам о человеколюбии и терпимости, проповедовавшимся в «Наказе», мгновенно предавались забвению непосредственно в политической практике императрицы, как только она сталкивалась с реальным противодействием ее политике или с угрозами утраты своей власти. Судьба ростовского митрополита Арсения Мациевича, как и судьба поручика Мировича, не говоря уже о женщине, вошедшей в историю под именем княжны Таракановой, подтверждают это.

Наибольший интерес из всех сохранившихся первоначальных откликов на «Наказ» представляет несомненно отзыв А. П. Сумарокова. Отношение со стороны Екатерины II к этому известнейшему драматургу и писателю было далеко не однозначным. Она признавала его талант, но тяготилась постоянно возникавшими конфликтами вспыльчивого поэта с окружающими, в улаживании которых ей порой приходилось принимать личное участие.

Сумароков был, пожалуй, единственным из читателей «Наказа» до его публикации, кто позволил себе открыто не соглашаться с некоторыми положениями документа и противопоставить мнениям императрицы собственную точку зрения. Пометы Екатерины II на страницах его отзыва представляют собой любопытный образец идеологической полемики. В отличие от покровительственного тона реплик на примечания В. Баскакова здесь мы зачастую видим едва скрываемое раздражение.

Отзыв Сумарокова из всех остальных наиболее развернутый. Он высказывает свое мнение по трем аспектам предпринятой Екатериной II инициативы:

— По инструкции, касающейся процедуры работы Комиссии, призванной составить новое Уложение законов.

— Относительно принципов, заключенных в «Наказе Генерал-Прокурору», по которым должны были работать депутаты.

— И наконец, по поводу самого содержания отдельных глав «Наказа», вызывавших у него сомнения или прямое несогласие.

Причем в каждом случае он противопоставляет не удовлетворяющим его положениям собственные формулировки или реплики, обнажавшие несостоятельность положений документа. Именно с ними полемизирует Екатерина II.

Уже в оценке предварительной инструкции, посвященной регламенту работы Комиссии, Сумароков высказывает удивление теми широкими привилегиями, которыми наделялись депутаты. В «Обряде управления Комиссии» были подробно расписаны «выгоды депутатские». На период ее работы все депутаты объявлялись под «собственным Монаршим охранением». Пункт, который вызвал несогласие Сумарокова, гласил: «Во всю жизнь свою всякий Депутат свободен 1-е от смертной казни; 2-е от пыток; 3-е от телесного наказания, в какое бы ни впал прегрешение».⁸ Сумароков по поводу этой статьи «Обряда...» замечает: «И депутаты, равно как и прочие, законам безо всякого отличия подлежат; ибо правосудию изъятия нет» (83). К этому замечанию Екатерина сделала свою помету: «Сия работа требует отменного ободрения духа» (Там же).

По поводу следующего пункта, касавшегося порядка выбора депутатов на местах, Сумароков находит нужным заметить: «Большинство голосов истины не утверждает. Утверждает мнение великий разум и беспристрастие» (83). Известно о резко отрицательном отношении Сумарокова к системе парламентаризма и к каким-либо формам власти, основанным на принципах выборного представительства. В данном замечании его сомнения в справедливости решений, подсказанных мнением большинства, отражали, по-видимому, скрытую настороженность драматурга по отношению ко всей идее созыва законодательной Комиссии, о чем он прямо не заявляет. Екатерина не спорит с мнением оппонента и даже с ним согласна и однако тактично ставит его на место: «Большинство истину не утверждает, а только показывает желание большинства», — замечает она (Там же).

Любопытно последнее замечание писателя по регламенту: «Ежели кто за недозволенным отсутствием голоса своего лишится, так не он, но общество пострадает, ежели полезное его мнение не приметя после» (Там же). С одной стороны, Сумароков как бы предвидит возможную угрозу ограничения желающим высказать свое мнение. Польза общества стоит для него на первом месте. Но с другой стороны, в данной реплике явно сквозит некоторая уязвлен-

⁸ Наказ... С. 87.

ность драматурга, фактически лишенного возможности участвовать в работе Комиссии. Реакция Екатерины II на эту реплику не лишена плохо скрытого недовольства: «И всякой следовательно всякое дело остановит, и выйдет хаос» (Там же). Иными словами свою ответственность за ведение дел в государстве императрица не намерена была делить ни с кем.

Переходя к рассмотрению принципов, на которых должен основываться предполагаемый свод законов, Сумароков сразу спешит поправить императрицу. Согласно предварявшему основной текст документа «Генерал-прокурорскому наказу при Комиссии о составлении проекта нового уложения, по которому и маршалу поступать», призванному регламентировать руководство работой Комиссии, предполагалось четко разграничивать прерогативы различных сфер законодательства с учетом разницы источников и самих функций правового нормирования. В пункте 3 программы генерал-прокурору императрицей перечислялись эти традиционные источники законов согласно известным нормам права, признанным юридической мыслью того времени. Екатерина II насчитывает 8 родов такого правового обеспечения:

Право Божественное

Право церковное

Право естественное

Право народное

Две разновидности государственного права (общее и особенное)

Право завоевания

Право гражданское

Право домашнее или семейское.⁹

Весь этот перечень разновидностей права был заимствован Екатериной II из работ европейских мыслителей и юристов — из того же трактата Ш. Монтескье «О духе законов» или известного труда С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина».

Далее императрица давала истолкование прерогатив каждой сферы законотворчества, определяя границы и происхождение правовых норм, устанавливаемых в той или иной системе законов. Сумарокову все эти тонкости представляются излишне претенциозными. «Три только права к сочинению уложения надобны: Право религии. Право естества. Монарша, на истине основанная воля» (83). Что же касается народного права, то он вообще не видит необходимости придавать ему серьезное значение: «...народные права только для примера надобны», — замечает он (Там же). Сумароков акцентирует внимание императрицы на нравственной стороне законотворчества и на соблюдении государственных интересов, гарантом которых должна выступать воля монарха. Но последняя

⁹ Там же. С. 100—101.

реплика его несет в себе скрытый полемический подтекст. В разъяснениях Екатерины II относительно сущности понятия «народного права» таковое фактически выводится из естественного права и закона Божия. В то же время в отстаивании роли «народного права» как законодательной базы сказывалось несомненно влияние Монтескье. В сознании императрицы постоянно присутствовал постулат теории этого французского мыслителя о прямой зависимости законов от условий жизни народа, для которого эти законы составлены. Эта идея Монтескье имеется в виду, когда во вступительной части основного текста «Наказа», говоря о естественной основе права, Екатерина формулирует базовые принципы учреждаемых ею предписаний для работы Комиссии: «5. Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, коих особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждаются».¹⁰ Именно против выведения законов из нравов и обычаев народа и уравнивания с ними естественного права и выступает Сумароков, когда сомневается в правомочности строить систему законоположения на принципах народного права.

Сумароков тут же излагает свое понимание основ естественного права, выводя его из нравственно-религиозных регуляторов смысла человеческого бытия: «1. Познавати Бога и добродетель. 2. Искати своего блаженства без ущерба ближнему. 3. Искати блаженства ближнего без ущерба себе» (83).

Заключение Екатерины II по поводу корректировки Сумароковым всего пункта 3 «генерал-прокурорского наказа», с ее разграничениями сфер права, было кратким: «На сие отвечать долго — предложения слабы и новы» (Там же).

Как видим, для Сумарокова моральный аспект закона всегда остается решающим условием признания его целесообразности. Характерна его реакция на один из пунктов рассуждений Екатерины II о преодолении могущих возникнуть противоречий между различными уровнями правовой основы законов. Императрица предвидела возможность таких противоречий. «Не должно решать по правилам права гражданского, когда дело идет дабы что решено было по правилам государственного права»,¹¹ — замечает она в пункте 11 регламента генерал-прокурору. Она приводит несколько примеров, когда гражданские законы вступали в противоречие с естественным правом. Один из таких примеров привлек внимание Сумарокова. «Есть случаи, — писалось ранее в том же пункте, — в которых правом гражданским можно умерить естественное право. Например, отцу, который хочет убить свое дитя, гражданский закон в том препятствует».¹² Для Сумарокова, с его обостренным

¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Там же. С. 106.

чувством неприятия любого зла, такая постановка вопроса, даже в абстрактной плоскости, не представляется приемлемой, и он спешит поправить императрицу: «Убити не один политический закон дитя свое препятствует, но и моральный, основанный на одной естественной добродетели» (83).

Екатерина не могла не признать справедливости замечания своего оппонента, хотя реальный политик в ней оказывается всегда сильнее абстрактного законодателя. «Я думаю, что все законы на морали основаны, однако не лишиться жителя есть в политическом законе», — гласила ее реплика на приведенное замечание драматурга (Там же). Иными словами, при всем уважении «естественной добродетели» как моральной основы законов, решающим гарантом стабильности в гражданском обществе остается, в ее глазах, соблюдение гражданского закона. Для устранения возможных противоречий императрица рекомендует прибегать к помощи осведомленных лиц из числа ученых Академии наук, профессоров Университета, юриспрудентского класса Кадетского корпуса.¹³ Сумароков и здесь скептически воспринимает рекомендации автора «Наказа»: «Вместо наших училищ, а особливо вместо Кадетского корпуса потребны великие и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескиу, но и в нем многое критике подлежит, о чем против его и писано» (83).

Сумароков, конечно же, не знал о содержании писем Екатерины II к Д'Аламберу, где она признавалась в своем увлечении идеями Монтескье, хотя влияние, оказанное трактатом этого мыслителя на «Наказ» императрицы, для него не подлежало сомнению. Говоря об авторах, критически воспринимавших взгляды, развивавшиеся в трактате «О духе законов», Сумароков мог иметь в виду и Вольтера, и петербургского академического историка Штрубе де Пирмонта, полемизировавшего с Монтескье в своей книге «Русские письма» («Lettres Russiennes»), вышедшей анонимно на французском языке в Петербурге в 1760 г. и, конечно же, известной в русских образованных кругах. Екатерина II читала ее, и в замечаниях, сделанных на полях книги де Пирмонта, она брала французского мыслителя под защиту.¹⁴ Вряд ли Сумарокову было известно также о чтении Екатериной названной книги и полемике ее с автором, но критический выпад драматурга против Монтескье не прошел для нее незамеченным. И комментируя последнюю фразу из замечаний Сумарокова на «генерал-прокурорский наказ», императрица спешит прикрыться авторитетом французского философа, претендуя на ту же участь, какую имел он у своих критиков: «Многие критиковали Монтескиу, не разумея его: я вижу, что я сей жребий с ним разделю» (84).

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Об этом мне уже приходилось писать в статье «Екатерина II — полемист» (Философский век. Альманах 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. СПб., 1999. С. 161—162).

Сумароков вновь будет опровергать положения «Наказа», основанные на идеях Монтескье, при рассмотрении VI главы документа («О законах вообще»), где шла речь о необходимости соотношения законов с «умствованием народа»: «57. Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, <...> следуя природной нашей склонности».¹⁵ Для Сумарокова подобное выведение законов из «народного умствования» со ссылкой на якобы природную склонность людей к свободе («вольности») не представляется убедительным. Его реакция на приведенный выше тезис была решительной и бесповоротной: «Законов с умствованием народа соглашать не надобно; ибо у честных людей все умствование — нагая истина, а законы предписываются борющимся истину» (84). И ниже, как бы развивая свою мысль, направленную полемически против идей, подсказанных трактатом Монтескье, он добавляет: «Обычай до законов не подлежат, и все проступки подчинены законам» (Там же). Эти слова Екатерина сопровождает язвительной репликой: «Тяжело, что жестокости в законах нет» (Там же).

Екатерина II не случайно уделила такое большое внимание проблеме соотносимости законов с обычаями и нравами народов, явно ориентируясь при этом на положения и выводы трактата Монтескье. Отдельные пункты главы, где рассматривался данный вопрос, являлись просто цитатами из его труда, в частности из XIV главы (XIX книги) трактата, называвшейся «Какие существуют естественные средства изменить нравы и обычаи нации». Именно там Монтескье высказывает мысль, почти дословно воспроизведенную Екатериной в главе VI «Наказа», о том, что «реформировать законами следует то, что основано законами, и изменять обычаями то, что установлено обычаями...».¹⁶ В качестве примера неразумного использования законодательства Монтескье при этом ссылается на указы Петра I, обязывавшие «москвитов обрезать бороды и укорачивать платья». В этом французский мыслитель видел проявление тирании. Впрочем, тот же Монтескье чуть ниже вынужден был признать, что «Петр I, давая нравы и обычаи Европы европейской нации, столкнулся с легкостью, которой он сам не ожидал».¹⁷ В I главе «Наказа» были, кстати, приведены эти слова Монтескье, без указания источника.

Екатерина II, объявлявшая благополучие подданных главной целью своей политики, естественно, стремилась представить предложенную ею систему законодательства воплощением гуманности. Заявляя о продолжении дела Петра I, она ни в коей мере не желала,

¹⁵ Наказ... С. 122.

¹⁶ *Œuvres complètes de M. de Montesquieu*. Mannheim, 1801. Т. 3. Р. 16. (Пер. с фр.).

¹⁷ Там же. Р. 17.

чтобы в ее законах могли усмотреть присутствие тиранических черт. Гарантией этому служила для нее опора на авторитет Монтескье. И в этом был смысл настойчивой заботы ее о согласовании законов с «умствованием народа». Сумароков же, как мы видели, в согласовании законов с народными обычаями не видит смысла («обычай до законов не надлежат»), ибо преступления, в его глазах, не могут оправдываться нравами и должны быть безусловно наказуемы. Карательная функция закона как гаранта справедливости стоит для него на первом месте. Реакцию императрицы на такую позицию своего оппонента мы уже приводили выше.

Сумароков фактически обнажает несамостоятельность Екатерины II как законодательницы, следующей во всем по стопам европейских философов. Главная претензия его к «Наказу» — отрыв постулируемых в нем идей от реальной жизни и увлечение его автора абстрактным гуманизмом.

Характерна реакция Сумарокова на положения главы VII «О законах подробно», где рассматривались различные роды преступления и применяемые в каждом случае наказания за них. Глава предварялась рассуждениями об опасности превышения в законах допустимой строгости, что могло бы не способствовать исправлению преступника. Екатерине II и здесь важно было показать себя сторонницей идей терпимости и умеренности правосудия: «65. Законы, преходящие меру во благо бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное». И чуть ниже уверенно утверждалось: «Умеренность управляет людьми, а не выступление из меры».¹⁸

Именно на подобные рассуждения обращает внимание Сумароков. Вот мнение, которое по поводу приведенных фраз он считает нужным довести до автора «Наказа»: «Умеренности правосудие не терпит, а требует надлежащей меры, а не строгости и не кротости» (84). Сумароков вновь выступает противником абстрактного либерализма в правосудии и исходит из убеждения, что мера наказания должна соответствовать тяжести преступления. Екатерина II на это замечание Сумарокова раздраженно ответила на полях: «Изображение [т. е. воображение. — Ю. С.] в поэте работает, а связи в мыслях понять ему тяжело» (Там же).

Нетерпимость Сумарокова к играм в абстрактный гуманизм, чреватый нарушением сложившейся в России системы социальных отношений, проявилась наиболее отчетливо в его реакции на те пункты «Наказа», где императрица очень осторожно и уклончиво пыталась затронуть вопросы положения закрепощенного крестьянства и облегчения его участи. Вопросы эти были затронуты ею в главе XI, первоначально написанной Г. В. Козицким и позднее кардинально переработанной самой Екатериной II. Сумароков читал «Наказ» в его 1-й редакции, и к окончательному тексту доку-

¹⁸ Наказ... С. 124.

мента, каким он был опубликован, замечания драматурга по крестьянскому вопросу уже отношения не имели. И тем не менее его высказывания по данному вопросу, по-видимому, сыграли свою роль при редактировании текста «Наказа».

Как справедливо было отмечено Г. В. Вернадским, вопрос о положении крепостного крестьянства являлся оборотной стороной вопроса о дворянской вольности и привилегиях благородного сословия.¹⁹ Именно поэтому он занял едва ли не центральное место в работе Комиссии по составлению Нового уложения.²⁰ И именно этим объясняются попытки Екатерины II обсудить на страницах «Наказа» юридические аспекты возможностей смягчения крепостного права и облегчения положения закрепощенного крестьянства в России. Наличие крепостного права выводится ею как неизбежное следствие общественной иерархии, сопровождающей любое устройство социума. «253. Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются.

254. И сие есть начало всякого рода покорности. <...>

255. И так, когда закон естественный повелевает нам по силе нашей о благополучии всех людей пещися, как вообще, так и каждого особливо; то обязаны мы состояние и сих подвластных облегчать, сколько возможность есть; следовательно, и избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной» (152—153).

В первоначальной редакции «Наказа», которую и читал Сумароков, после этих основополагающих пунктов, уже заключающих в себе скрытую идею нежелательности «приведения людей в неволю»,²¹ следовали многочисленные ссылки на исторические примеры юридических норм отношения к рабам в древних обществах, принятых у германцев, древних греков, римлян. Большинство этих справок в окончательной редакции XI главы «Наказа» было опущено. Однако в контексте этих исторических отсылок рассуждения о юридическом обеспечении предотвращения злоупотреблений рабством, сопровождаемые заимствованными у Монтескье примерами из практики рабовладения в Лакедемонии или Древнем Риме, не могли не носить в условиях России двусмысленного характера.

Приведя пример полного бесправия илотов в Спарте, Козицкий выводит из этого положение о необходимости правового обеспечения борьбы с «злоупотреблениями рабства»: «261. ...надлежит, чтоб

¹⁹ Сборник Общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском университете. Вып. I. С. 14—15.

²⁰ См. об этом: Флоровский А. В. Из истории Екатерининской Законодательной Комиссии 1767 г.: Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.

²¹ В варианте, подготовленном Г. В. Козицким, значилось «в рабство», но Екатерина II смягчила формулировку.

законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвратили, а с другой стороны, предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти» (153). Но далее следовало положение, казалось бы, выдержанное в русле требований гуманности: «262. Всякой человек должен иметь пищу и одежду по своему состоянию: и сие надлежит определить законом» (там же), вызвало чуть ли не насмешливую реплику Сумарокова: «Служащие должны иметь пищу и одежду. Все имеют, а предписать господам, какую пищу и какую одежду, нельзя» (85). В окончательной редакции «Наказа» Екатерина II изъела из текста главы 262-ю статью, а вместо нее после 261-й статьи (теперь она стала 254-й) включила отсутствовавшую в 1-й редакции 255-ю статью: «Несчастливо то правление, в котором принуждены устанавливать жестокие законы».²² Но Сумароков, повторяю, имел дело с первоначальной редакцией документа.

Сумароковская реакция на положения «Наказа», касавшиеся правового регулирования состояния рабов, естественно, обуславливалась реалиями современной ему российской действительности. Своих крепостнических убеждений он не находил нужным скрывать. В этой связи полезно вспомнить эпизод, относящийся примерно к тому же времени, когда Сумароков писал свои замечания на «Наказ». Речь идет о его участии в конкурсе, который был объявлен Вольным экономическим обществом в 1766 г. на лучшее решение вопроса: «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое простираться должны?»²³ Конкурс был объявлен по инициативе Екатерины II. По сути дела уже сама постановка вопроса содержала в себе предпосылки обсуждения проблемы возможного освобождения крестьян от крепостной зависимости, по крайней мере в перспективе. Императрице важно было проверить реакцию общественного мнения в России и за рубежом на постановку этих злободневных для того времени вопросов в свете предстоявшей работы Комиссии по составлению Нового уложения, на которой их также предполагалось обсудить. В конкурсе приняло участие более сотни авторов, в основном, кстати, зарубежных.

Сумароков также считал для себя необходимым откликнуться на призыв устроителей конкурса, ибо понимал, что то или иное решение поставленных вопросов напрямую затрагивает судьбы дворянского сословия, а тем самым и стабильность существовавшей в России системы социальных отношений. По его мнению, правом владения землей могли обладать только помещики, и неизбежность сохранения крепостного права для него не подлежала

²² Наказ... С. 179.

²³ Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1766. Ч. IV. С. 201—202.

сомнению. В посланной в Вольное Экономическое общество собственной записке по этому поводу он выразил категорическое несогласие даже с самой постановкой вопроса о возможности освобождения крепостных и наделения их при этом землей: «Что ж дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его; а ему что останется?» — задается вопросом Сумароков и заключает свою записку безапелляционным выводом: «Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».²⁴

Вот почему вполне нейтральный, вытекавший опять же из рассуждений о положении рабов в Древнем Риме тезис, заключенный в статье 265 первоначальной редакции «Наказа», гласивший «Когда закон дозволяет господину наказывать своего раба жестоким образом, то сие право должен он употреблять как судья, а не как господин» (154), вызвал довольно своеобразную реакцию со стороны Сумарокова: «Господин должен быть судья, это — правда; но иное быть господином, а иное тираном; а добрые господа все судьи слугам своим, и отдать это лучше на совесть господам, нежели на совесть слугам» (85). В формулировке «Наказа», делавшей формальный закон последней инстанцией в отношениях между рабом и господином, вплоть до забвения им своих господских прав перед исполнением миссии судьи, Сумароков усматривает претензии на умаление власти дворян над крестьянами под предлогом опасности тирании. И он возражает против разграничения прерогатив помещика при выполнении им карательных функций по отношению к своим крестьянам («...добрые господа все судьи слугам своим»). В окончательной редакции «Наказа» статья 265 была изъята, и не исключено, что решающую роль в этом сыграли соображения, высказанные по ее поводу Сумароковым.

Но особенно остро Сумароков прореагировал на те статьи «Наказа», где в чрезвычайно осторожной форме высказывались мысли о возможности сделать крестьян свободными. В формулировках Г. В. Козицкого выражение этой идеи носило характер гипотетического допущения. Разговор о свободе крестьян дополнялся в следующем пункте главы рассуждениями об имуществе рабов, напоминавшими вопросы, поставленные Вольным Экономическим обществом. Причем эти статьи следовали после статей, где рассматривалось положение рабов в Спарте, Риме, Афинах. И это придавало благородным рассуждениям «Наказа» несколько отвлеченный характер.

«276. У афинян строго, а иногда и смертною казнию наказывали того, кто с рабом поступал свирепо. Афинский закон благоразумно

²⁴ Цит. по: *Ходнев А. И.* История Имп. Вольного Экономического общества. СПб., 1865. С. 25. См. также анонимное «Мнение об освобождении крестьян», опубликованное в «Русском архиве» (1870. № 2. С. 288—291).

не хотел присоединить лишения безопасности к лишению вольности.

277. Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных.

278. Есть многие способы почти нечувствительно вводить новых граждан. Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества и привести их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу» (155).

Иными словами, порядок освобождения крестьян («рабов») не предусматривалось обеспечивать юридическими постановлениями. О массовом же освобождении крепостных не могло быть и речи. Правительство через законы могло лишь взять на себя задачу регулирования вопросов, касавшихся собственности крестьян. Но и эта уступка облекалась в «Наказе» в весьма туманные формулировки («учредить нечто полезное»).

Реакция Сумарокова на приведенные выше 277 и 278-ю статьи (в окончательной редакции «Наказа» они стали 260-й и 261-й) была выдержана в тех же тонах, какие он применил при ответе на вопрос, предложенный ранее Вольным Экономическим обществом. В сущности он повторяет свои доводы, категорически возражая против освобождения крестьян, видя в исполнении подобных планов возможный источник политической нестабильности в государстве: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многия бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян; и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет в государстве междоусобная брань...» (85).

Примечательна реплика императрицы на утверждение Сумарокова, что «ныне помещики живут покойно в вотчинах» (85—86). Напротив этих слов она пишет: «...и бывают зарезаны отчасти от своих» (86). Заканчивая свою тираду против крестьянской свободы, Сумароков подчеркивает практическую бессмысленность этой идеи. По его мнению, «все дворяне, а может быть и крестьяне сами такую вольностию довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие» (Там же). Утопичность его позиции обнажается в последней фразе, заключающей в себе мысль о взаимной любви господ и крестьян: «А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» (Там же). Екатерина II отреагировала на конец фразы: «И иметь не может в нынешнем состоянии» (Там же).

В завершающей части своего мнения, где Сумароков как бы обобщает собственные впечатления от глав XI—XV, он вновь возвращается к вопросу о положении крепостных. «Продавать людей, как скотину, не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут

вольны?» — спрашивает он (86). Как видим, осуждая практику продажи крепостных, Сумароков сомневается в то же время в том, что вольность крестьян послужит на пользу дворянству. Таковая лишит помещиков их преимуществ в использовании труда слуг. Дворянского идеолога серьезно волнует угроза комфортному существованию благородного сословия.

Надо отметить, что далеко не все в содержании «Наказа» вызвало неприятие со стороны Сумарокова. В отношении некоторых глав он по существу лишь подтверждает и усиливает точку зрения Екатерины II. Другие просто оставляет без возражений, как например главу X «О обряде криминального суда», а в отдельных случаях, например по поводу 342-й статьи XIII главы «О рукоделии и торговле», где высказывались протекционистские идеи в отношении чеканки денег и защиты курса отечественной валюты, Сумароков выражает нескрываемое восхищение: «Проба золота, серебра и пр. и о постоянных монетах статья божественная, а инако вред народу и самой короне» (86). На это Екатерина снисходительно отреагировала на полях: «Если только похвальное нашел, то всю грамату сжечь можно» (Там же).

В главном точки зрения Сумарокова и коронованного автора «Наказа» не могли не совпадать. И тот и другой стояли на позициях государственности: «...сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон»,²⁵ — заявлялось в «Генерал-прокурорском наказе», определявшем, чем руководствоваться депутатам в разработке законов. И тот и другой исходили из признания благодетельности единственно возможной в условиях России такой формы политической власти, как самодержавная монархия. Об этом говорилось и в «Генерал-прокурорском наказе», и в основной части документа. Сумароков вряд ли мог что-либо возразить против основополагающих статей II главы «Наказа», гласивших:

«9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.

13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра».²⁶

Претензии Сумарокова к «Наказу» состояли в другом. Они проистекали из неприятия им игры Екатерины II в неуместный, с его точки зрения, в таком документе либерализм, выливавшийся порой

²⁵ Наказ... С. 107.

²⁶ Там же. С. 113—114.

в излишнюю гуманизацию законов под прикрытием терпимости и человеколюбия. Это же отразилось и на различии подхода их в понимании пределов юридического оформления крестьянской вольности. Приведенные выше примеры расхождений Сумарокова с императрицей по этому вопросу показывают, насколько чужд был драматург этим проявлениям либерализма, вытекавшим из стремления Екатерины II угодить новейшим веяниям философской европейской мысли эпохи и не учитывавшим специфики социальных условий в России. И отсюда главный, в глазах Сумарокова, недостаток «Наказа» — его отвлеченная демагогичность и отсутствие самостоятельности в позиции его автора, примеры чего также приводились выше. Екатерина II прекрасно чувствовала это. И в своем итоговом обобщающем резюме по поводу замечаний Сумарокова императрица попыталась поставить, хотя бы заочно, своего критика на место. «Господин Сумароков хороший поэт, но слишком скоро думает. Чтоб быть хорошим законодателем, он связи довольной в мыслях не имеет; чтоб критиковать цепь и для того привязывается к наружности колец, составляющих цепь, и находит, что здесь или там в полире [т. е. в полировке. — Ю. С.] ошибки есть, которых пороков он бы оставил, если бы понял связь. Две возможности в сем деле есть: возможность в рассуждении законодателя и возможность в рассуждении подданных, или лучше сказать тех, для которых законы делаются. Часто прямая истина в рассуждении сих возможностей должна употребляема быть так, чтоб она сама себе вреда не нанесла, и более от добра отвращения, нежели привлечения не сделала» (87).

По мнению Екатерины II, Сумароков как поэт лишен способности постигнуть во всей полноте общий смысл написанного ею документа и в своей критике цепляется за частности, не улавливая логики целого. Она исходит из убеждения, что при оценке смысла законоположений законодатель находится в более выгодном положении, нежели те, кто должен будет эти законы исполнять. И здесь привыкшая повелевать императрица не замечает, что ее разграничение прерогатив законодателя и подданных в отношении понимания законов не до конца последовательно, ибо судить о соответствии законов нуждам общества логичнее всего как раз тем, для кого эти законы писаны. Противоречия, содержащиеся в тексте «Наказа», замечали многие, о чем частично уже говорилось выше. Уже после завершения работы Комиссии очень убедительное мнение о недостатках «Наказа» высказал князь М. М. Щербатов. Его позиция достаточно полно была проанализирована Э. Лентином в статье «Республиканская душа? Екатерина, Монтескье и природа правительства в России: „Наказ“ глазами М. М. Щербатова».²⁷

²⁷ Философский век. Альманах 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. С. 79—96. (На англ. яз.).

Главной слабостью «Наказа» и его важнейшим противоречием было то, что постоянные ссылки в нем на свободу граждан и провозглашение «естественной вольности» каждого подданного как незыблемой основы общественного согласия сочетались в документе с утверждением самодержавной власти в качестве единственного гаранта этой самой вольности и фактического источника узаконений. При таком положении реальная «вольность» индивидуума оставалась весьма сомнительной, как и соблюдение интересов отдельных социальных групп. На это и обращал внимание представитель аристократической оппозиции князь Щербатов в своих «Замечаниях на Наказ», написанных в 1772—1773 гг. и оставшихся неизвестными современникам, как хорошо продемонстрировал английский историк.

Сумароков в своих замечаниях не касался этого момента, но тем не менее целый ряд несоответствий отдельных идей «Наказа» логике здравого смысла и интересам сословной государственности он уловил верно.